

ГЕРД ХЕНТШЕЛЬ,

ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР (ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. КАРЛА ФОН ОСЕЦКОГО, ГЕРМАНИЯ).

БЕРНХАРД КИТТЕЛЬ,

ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР (ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. КАРЛА ФОН ОСЕЦКОГО, ГЕРМАНИЯ)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В БЕЛАРУСИ:

МНЕНИЕ БЕЛОРУСОВ О РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ЯЗЫКОВ В СТРАНЕ

Исследуется распространение языков или языковых разновидностей, а именно белорусского и русского языков, а также смешанной речи («трасянка») в Беларуси с точки зрения граждан Беларуси, белорусов по национальности. При этом систематически различаются роли этих трех языковых разновидностей: родной язык, первый язык (язык первичной социализации), основной язык (преобладающий в общении). Обсуждается выбор определенной языковой разновидности в различных контекстах, а также рассматриваются некоторые вопросы отношения информантов к этим языковым разновидностям.

The dissemination of languages or linguistic varieties in Belarus, namely, Belarusian, Russian, mixed Belarusian-Russian speech («Trasyanka») is considered from the viewpoint of the Belarusian citizens with declared Belarusian nationality. Three functions of these linguistic varieties are systematically distinguished: a mother tongue, first language (a variety of primary socialization), basic language (mainly-used language). Both the choice of a definite variety in various social contexts and some issues of the informants' attitudes to these linguistic varieties are considered.

Общеизвестно, что Беларусь двуязычна – русско- и белорусскоязычна. Конечно, существует еще целый ряд языков-меньшинств, таких как польский, украинский, литовский и др. Но в данной статье речь пойдет именно о русском и белорусском языках, причем будет освещено мнение тех жителей Беларуси, которые являются белорусами по национальности. Оба языка в середине 1990-х гг. получили статус государственных. Последующая дискуссия о русском и белорусском языках также включает такую широко распространенную в Беларуси специфическую форму существования обоих языков, как смешанная белорусско-русская речь, называемая «трасянкой». Слово «трасянка» первоначально означало смесь сена и соломы. Данное обозначение смешанной речи имеет, как известно, негативную коннотацию. Отношение между белорусским, русским языками и смешанной речью рассматривались исходя из основных социоэкономических критериев¹. Нами будет проанализирована самооценка собственной речи белорусами.

Сбор данных

Данные, представленные в статье, были собраны в семи городах Беларуси. Кроме столицы страны Минска, были выбраны по два города (один на западе, другой на востоке) на территории трех традиционных белорусских диалектов: юго-западном, северо-восточном и среднебелорусском, который считается переходным. Территория западного Полесья была исключена из-за своей языковой специфики (переходные говоры к украинскому языку).

¹ Данное исследование является результатом работ по исследовательскому проекту «Трасянка в Беларуси – смешанный код как продукт белорусско-русского языкового контакта», которое проводится авторами статьи совместно с Давидом Ротманом из Центра социологических и политических исследований при БГУ, а также Сергеем Запрудским, доцентом кафедры истории белорусского языка БГУ, при финансовой поддержке фонда Volkswagen.

Включенные в выборку города являются небольшими: численность населения составляет от 7 тысяч до 50 тысяч жителей. В каждом городе было опрошено по 200 случайно отобранных респондентов (всего 1400). Для дальнейшего анализа из всего массива данных были отобраны анкеты тех респондентов, которые считают себя белорусами по национальности. Всего 1230 человек, или 88 % всех респондентов. Данный процент примерно соответствует проценту жителей белорусской национальности, указанной в переписи населения 1999 г. В среднем на каждый город приходится по 176 респондентов с наименьшим количеством в Слониме (163) и наибольшим в Шарковщине (187). Объем выборки позволяет сравнивать данные по городам, а также по возрастным группам с разным образованием.

О проблеме родного языка в Беларуси

Переписи населения последних десятилетий фиксировали языковую ситуацию в Беларуси. В результате переписи населения 1999 г. были зафиксированы следующие данные: 85,6 % белорусов указали, что их родным языком является белорусский, но только 41,3 % назвали его языком повседневного общения. Русский язык считают родным только 14,3 % белорусов, но 58,6 % назвали его языком повседневного общения. Очевидное несоответствие между числом белорусов, считающих белорусский язык родным, с одной стороны, и использующих язык для повседневного общения – с другой, обычно связывается с тем, что белорусский язык (как связанный с национальностью) имеет для белорусов в первую очередь символическое значение².

Оценка языковой ситуации в Беларуси проблематична по той причине, что в анкетах переписи населения не учитывается прочно вошедший в сознание белорусского населения вид речи. Это названная белорусско-русская смешанная речь, «трасянка». В переписи 1999 г. смешанная речь не упоминалась. В анкете переписи населения 2009 г. для определения языка повседневного общения было только три варианта, т. е. наряду с обоими государственными языками существовала рубрика «другой», дававшая возможность его специфицировать. Очевидно, что среди респондентов, принимавших участие в последней переписи населения, были такие, которые указали, что в повседневном общении используют белорусский и русский языки, а также «трасянку». Интервьюер же в такой ситуации, вероятно, записывает только белорусский и русский языки.

Возникают сомнения, каким образом те опрошенные, которые используют преимущественно смешанную речь, выбирали в ходе опроса между белорусским и русским литературными языками, говоря о языке повседневного общения. Бесспорен тот факт, что количество таких респондентов весьма значительно, хотя до сих пор отсутствуют более детальные описания языковой ситуации. Трудность описания состоит также в том, что для самооценки говорящих, касающейся «качества» их языка, характерна определенная доля неуверенности³, особенно учитывая тот факт, что речь идет о генетически родственных и структурно схожих языках. Многие из носителей «трасянки» считают, что говорят по-русски, в то время как на самом деле они используют смешанную речь⁴. В наибольшей степени это касается мигрантов из сельской местности в город в период 1960–1980-х гг. В домашних условиях они прошли социализацию преимущественно в белорусском диалектном окружении, а в условиях города вынуждены были обратиться к русскому языку⁵, чтобы не быть исключенными из социальной жизни. Они пытались, насколько это было возможно, говорить по-русски и считали свою речь далекой как от диалектной речи своей сельской родины, так и от бело-

² Это относится к трем вопросам в анкетном листе переписи 2009 г., которые касались языков: № 9. *Ваш родной язык?*; № 10. *На каком языке Вы обычно говорите дома?* (вопрос из процитированного интервью); № 11. *Другие языки, которыми Вы свободно владеете?*

русского литературного языка, который знали благодаря школьным занятиям лучше, чем основная масса сегодняшних школьников. Собственные отклонения от норм во вторую очередь освоенного другого языка склонны оставаться неосознанными. При этом чем ближе изучаемый язык к родному, тем сильнее эта тенденция.

Этой проблематике уделяется внимание в представленном анализе. В инструментари исследовании смешанная белорусско-русская речь была дана как один из возможных вариантов. В ходе опроса нами постоянно использовался термин «смешанный язык». Человека, не сведущего в лингвистике, различение «языка» и «речи» могло лишь ввести в заблуждение.

«Родной язык», первый язык, основной язык общения

Стереотипными чертами «родного языка», или «родной мовы», или, как его еще называют по-польски, *język ojczysty* (в буквальном переводе «язык отчества»), является овладение им в родительском доме и, как правило, в непосредственном окружении ребенка, а также уверенность в том, что именно этим языком человек владеет лучше всего. Это, по крайней мере, на ранней фазе жизни означает, что он является основным, привычным языком повседневного общения. Таково общепринятое мнение в преимущественно одноязычных обществах, что, как уже говорилось, не совсем применимо в сложной языковой ситуации в Беларуси.

В инструментари представленного в статье исследования были заложены вопросы как о родном языке, так и о языке повседневного общения, т. е. об «основном языке общения». Кроме того, ставился вопрос о языке, с которым респонденты выросли, т. е. о так называемом «первом языке».

Для «родного», или «первого», языка в качестве вариантов ответов были даны: (1) белорусский, (2) русский, (3) смешанный белорусско-русский, (4) украинский, (5) польский, (6) другой. Соответствующими вопросами выступали следующие: (I) *Какой язык Вы считаете своим родным?* (II) *На каком языке Вы начали говорить?* Об основном языке общения, а именно о его характеристике был задан вопрос: (III) *Какое из определений наиболее точно описывает язык, на котором вы обычно говорите?* Варианты ответов были сконцентрированы на белорусском, русском и «смешанном» языке, в частности: (1) «правильный» белорусский, (2) белорусский с отдельными русскими словами, (3) «правильный» русский, (4) русский с отдельными белорусскими словами, (5) смешанный белорусско-русский или русско-белорусский язык, в котором широко представлены белорусские и русские слова. Категории (2) и (4) были введены для более четкого обозначения понятия «смешанный язык». Известно, что белорусы с очень хорошим знанием русского языка в своей русской речи иногда используют белорусские лексемы или словоформы, например, для обозначения членов семьи или типично белорусских реалий. Кроме того, известно, что белорусская речь белорусов с хорошими знаниями языка отчасти демонстрирует спонтанные заимствования из русского языка, например, в таких областях лексики, которые менее развиты в белорусском.

Для последующего анализа варианты (1) и (2) были обобщены в ответе (А) «белорусский», так же как и варианты (3) и (4) в ответе (Б) «русский». Иначе говоря, (А) и (Б) являются категориями, охватывающими небольшое лексическое смешение, распространенное в двуязычных обществах и противопоставляющее его массивному смешению, представленному в категории (В) или варианте (5).

* Вопросы задавались интервьюерами на русском языке, поскольку для широких масс населения в Беларуси он является коннотативно немаркированным языком в общении с чужими.
Эпитет «правильный» здесь связан не со «школьной оценкой», а обозначает «правильный белорусский» в противопоставлении «белорусскому с отдельными русскими словами».

Таблица 1

Родной язык и первый язык:
дифференциация по одному и по нескольким вариантам ответа, %

Язык	Язык	
	первый	родной
Белорусский	12,67	34,36
Русский	35,73	17,10
Смешанный	43,99	33,55
Белорусский+русский	2,21	10,91
Белорусский+смешанный	1,31	2,44
Русский+смешанный	2,45	0,65
Белорусский+русский+смешанный	1,80	0,98

Из табл. 1 видно, что существующая тенденция к выбору нескольких вариантов ответа незначительна. Существенных показателей (11 %) достигла лишь комбинация «русский и белорусский» в категории «родной язык».

В категории «родной язык» преобладает белорусский язык. Однако примерно в одном из четырех случаев наряду с белорусским называется другой, в большинстве случаев русский язык. «Смешанный язык» в качестве родного демонстрирует поразительно высокие показатели. Более трети всех опрошенных назвали его в качестве единственного варианта. Русскому языку отдано менее 30 %. При этом данная цифра сократится вдвое, если учитывать только те ответы, в которых русский язык отмечен как единственный вариант. Последний показатель 17 % очень близок к показателю русского языка как родного согласно переписи 1999 г. Во время этой переписи не было ни возможности выбрать несколько вариантов ответа, ни смешанного языка как варианта ответа. Если сложить показатели из табл. 1 для белорусского, смешанного языков и комбинации белорусского и русского языков, то полученная цифра составит 80 %, т. е. практически ту цифру, которую дает перепись 1999 г. для белорусского языка как родного.

Представленный здесь анализ также подтверждает символическое значение признания белорусского языка родным, даже если вопрос об основном языке общения еще не был задан. Лишь чуть больше трети тех, кто назвал белорусский язык родным, называют его и в качестве первого языка. Конечно, выбор русского или смешанного языка также может иметь символическое значение как знак протеста против национальной оппозиции 1980–1990-х гг., требовавшей утверждения белорусского стандарта 1920-х гг. Выбор смешанного языка в качестве родного может быть вызван обратной реакцией на описанное отношение к говорящим на «трасянке» как к необразованным и бескультурным. Здесь необходимо дальнейшее исследование. В отличие от белорусского языка выбор русского и смешанного языка в качестве первого происходит намного чаще, чем их выбор в качестве родного языка.

В то время как в категории «родной язык» белорусский преобладает с небольшим преимуществом перед смешанным языком, в категории «первый язык» он оказывается далеко позади русского и смешанного языка. Последний называется респондентами в три раза чаще, чем белорусский, русский – в два раза чаще. Этот общий результат по категории «первый язык» говорит о том, что среди тех, кто в переписи 1999 г. назвал белорусский язык в качестве повседневного общения, многие выбрали бы смешанный язык, если бы у них была такая возможность (табл. 2).

Как же респонденты квалифицируют свой основной язык общения?

Таблица 2

Родной язык и первый язык: обобщение одного и нескольких вариантов ответа (поэтому процентные соотношения в сумме > 100), %

Язык	Язык	
	первый	родной
Белорусский (+)	17,99	48,69
Русский (+)	42,19	29,64
Смешанный (+)	49,55	37,62

Таблица 3

Основной язык общения: в пяти категориях

Язык	Количество ответов, %
Правильный белорусский	0,41
Белорусский с использованием русских слов	3,98
Правильный русский	11,22
Русский с использованием белорусских слов	43,41
Смешанный	40,98

Из табл. 3 видно, что для респондентов характерно явное осознание того, что в обычно используемом ими «языке» или речи в определенной степени смешиваются белорусский и русский языки. Количество респондентов, выбравших «правильный белорусский», не составило даже одного процента (пять человек из всего массива), в то время как практически каждый десятый выбрал «правильный русский». Если рассмотреть данное соотношение с другой точки зрения, то около 90 % респондентов признают, что смешивают оба языка, пусть и в единичных случаях. Четыре из десяти опрошенных указывают, что в данном смешении «широко представлены белорусские и русские слова», и не склонны классифицировать его как белорусский или русский с окказиональной примесью другого языка. Они называют основным языком общения смешанный язык (табл. 4). Те, кто рассматривает свое «смешение» как окказиональное, характеризуют его в десять раз чаще как русский с отдельными белорусскими словами, чем как белорусский с отдельными русскими словами.

Таблица 4

Основной язык общения: в трех категориях

Язык	Количество ответов, %
Белорусский	4,39
Русский	54,63
Смешанный	40,98

Естественно, речь при этом идет о самооценке говорящих, которая лишь в своей тенденции будет совпадать с характеристикой их речи, данной лингвистами. Не исключено, что повседневная речь некоторых респондентов, которую они классифицируют как «русский с отдельными белорусскими словами», с профессиональной лингвистической точки зрения едва отличается от повседневной речи некоторых других респондентов, классифицирующих ее как смешанный язык. Однако и в лингвистике не существует до сих пор качественных и количественных «предельных величин/пороговых значений», которые позволяли бы более или менее четкое разграничение⁷. Это сложная задача в том случае, если окказиональное смешение накладывается на (потенциально) конвенциональное, что, как правило, и происходит в подобных контактных ситуациях, в которых оба «изначальных» контактирующих языка, так же как и возникающая в результате смешанная разновидность, долгое время наравне сосуществуют в обществе. Данная ситуация имеет место в Беларуси сегодня.

Тем не менее анализ данных, представленных в табл. 3, 4, позволяет сделать вывод, что белорусский язык как основной язык общения менее распространен, чем утверждается в переписи 1999 г. Только около пяти респондентов из ста выбрали его, причем с примесью русского. И напротив, более половины опрошенных выбрали русский, в четырех пятых случаях с примесью белорусского. И как уже было сказано, более 40 % всех респондентов считают смешанный язык основным средством коммуникации.

○ релеванности/важности некоторых социальных факторов
для самооценки

В связи с тем что миграция из сельской местности в город имеет, как предполагается, определенное значение для феномена «трасянка», дан-

ные о родном и первом языках должны быть сопоставлены с ответами респондентов, касающимися места, где они провели свою молодость/большую часть своей молодости. На выбор были представлены следующие варианты: «большой город», «малый город», «село».

Таблица 5

Родной язык в зависимости от места проживания в юности, %

Язык	Большой город	Малый город	Село
Белорусский	34,97	41,31	45,38
Русский	44,81	26,68	17,09
Смешанный	20,22	32,01	37,52

Сравнительно небольшое влияние на выбор белорусского языка как родного оказывает место, в котором прошла юность (табл. 5). Хотя те, кто в молодости жил в больших городах, несколько реже называют белорусский язык в качестве родного, чем те, кто рос в маленьких городах, не говоря уже о тех, чья юность прошла в деревне. Разница, состоящая лишь в десяти процентах, слишком незначительна. И напротив, русский язык родным в три раза чаще называют те, кто в юности жил в больших городах, чем те, кто этот период жизни провел в сельской местности. Что касается смешанного языка как родного, то здесь количественные отношения фактически противоположны, хотя и не так четко выражены: смешанный язык чаще называют родным респонденты, чья юность прошла в деревне, чем те, кто в юношеские годы жил в большом городе.

Таблица 6

Первый язык в зависимости от места проживания в юности, %

Язык	Большой город	Малый город	Село
Белорусский	7,78	11,48	26,34
Русский	77,84	45,49	14,81
Смешанный	14,37	43,02	58,85

Вопрос о том, где выросли респонденты, играет еще более важную роль в выборе первого языка (табл. 6). Не удивляет при этом, что русский язык для тех, чья юность прошла в большом городе, является первым в пять раз чаще, чем для тех, кто провел юношеские годы в сельской местности. Но и в последнем случае данный показатель составляет 15 %. Также очевиден тот факт, что белорусский в качестве первого языка чаще всего называют те, кто провел юность в сельской местности, и реже всего те, кто провел юность в городе. Удивительно, однако, то, что хотя белорусский язык и является первым языком примерно для четверти респондентов, которые в юности жили в деревне, но три пятых представителей той же группы назвали смешанный язык в качестве первого. Показатели при этом на 15 % выше, чем для смешанного языка у респондентов, которые провели свою юность в маленьких городах (или правильнее – в небольших городах). Данный результат противоречит двум до сих пор бытующим мнениям. Во-первых, мнению о том, что в сельской местности еще широко распространены исконные белорусские диалекты⁸. 30 или 40 лет назад это должно было быть еще более выражено. Необходимо учитывать, что возраст трех четвертей наших респондентов 30 лет и более, более чем половины – 40 лет и больше. Это противоречит стереотипу о том, что «главной сферой распространения трасянки» являются маленькие города⁹. Означает ли это, что респонденты из сельской местности путают свою диалектную белорусскую речь из-за ее более или менее сильных отклонений от того, что называют стандартным белорусским языком, со смешанной речью? Тот факт,

⁷ Представленное мнение о том, что это в основном связано с влиянием средств массовой информации, не убедительно. В сельской местности такое в течение уже долгого времени русский язык, например, является распространенным языком преподавания. Собственное исследование Лисковец касается в любом случае только столицы.

что респонденты сельского происхождения, явно демонстрирующие смешанную речь, характеризуют ее как русский язык, широко известен, а вот то, что носители белорусских диалектов классифицируют свою исконную диалектно-белорусскую разновидность как смешанный язык, еще нет. И. Лисковец¹⁰, например, ведет речь скорее о деревенской «трасянке», для которой характерна более слабая примесь русского языка, чем для городской. И другие белорусские авторы с обширным опытом работы в области диалектологии говорят о том, что в белорусских деревнях широко распространена диалектная речь, подвергшаяся влиянию русского языка¹¹. Можно, во всяком случае, исходить из того, что респонденты обладают обычной для людей, не сведущих в лингвистике, интуицией, позволяющей им отличить белорусский, пусть и в диалектной форме, от русского языка и смешанной речи. О действительно существующем, интересном не только для традиционных диалектологов языке белорусской деревни мало что известно.

Ответы, данные на вопрос об основном языке общения, характеризуют положение вещей на момент проведения опроса, а не являются ретроспективными, что имеет место в случае вопроса о первом языке. В связи с этим должен быть привлечен критерий типа населенного пункта, в котором респондент проживает в данный момент. По величине города были разделены на три группы: (а) большой город Минск, (б) три города с населением от 40 до 50 тысяч жителей (Слоним, Сморгонь, Рогачев), именующиеся в дальнейшем «малыми городами», (в) три более мелких городских населенных пункта с населением до 10 тысяч жителей (Шарковщина, Октябрьский, Хотимск), именующиеся «поселками городского типа». При выборе родного или первого языка большую роль сыграло место, где опрошенные провели свою юность (большой город, малый город, село). В рамках данного исследования опросы в селах не проводились. В выбранной здесь трехступенчатой классификации величины населенного пункта, в котором живут респонденты, наблюдаются параллели с критерием места проведения юности, как показывает табл. 7. Отметим основные из них:

- доля мигрантов из деревень в город заметно увеличивается в поселках городского типа (в таблице строка «село») по сравнению с малыми городами и особенно с большим городом;
- как в малых городах, так и в поселках городского типа не наблюдается значительного притока людей из больших городов (в таблице строка «большой город»);
- большинство респондентов во всех трех категориях места жительства провели свою юность в городах соответствующей категории, при этом преобладающая часть респондентов – в данных местах.

Таблица 7

Взаимосвязь между местом жительства и местом проведения юности, %

Место жительства в юности	Большой город	Малый город	Поселок городского типа
Большой город	63,03	8,79	2,36
Малый город	15,76	60,35	52,36
Село	21,21	30,86	45,29

Данные табл. 8 позволяют констатировать, что белорусский язык (пусть с окказиональной примесью русского) независимо от величины места жительства чрезвычайно редко называется в качестве основного языка общения: максимально пятью респондентами из ста. Русский является доминирующим языком общения в Минске, но также называется примерно половиной респондентов в маленьких городах и поселках городского типа. В обеих категориях небольших городских населенных пунктов преобладают русский

¹⁰ Необходимо подчеркнуть, что в данных по родному и первому языку не учитывается деление Беларуси до Второй мировой войны на польский запад и советско-русский восток.

и смешанный язык. В поселках городского типа смешанный язык называют половина респондентов, т. е. немного чаще, чем русский. В малых городах предпочтение отдается русскому языку. Смешанный язык тем не менее был выбран в четырех из десяти случаев.

Таблица 8

Основной язык общения в зависимости от типа населенного пункта, %

Язык	Большой город	Малый город	Поселок городского типа
Белорусский	1,20	5,08	4,71
Русский	82,53	56,64	44,38
Смешанный	16,27	38,28	50,91

Что касается показателей по смешанному языку как основному языку общения, то представленные данные соответствуют стереотипу о том, что именно «провинциальные города» являются основным местом распространения «трасянки». Удивительными здесь могут показаться высокие показатели по русскому и чрезвычайно низкие по белорусскому языку. И это необходимо обсудить в заключение.

Факторами, которые, по общему мнению, могут оказать влияние на выбор основного языка общения, являются также образование и возраст (табл. 9, 10).

Таблица 9

Основной язык общения в зависимости от образования, %

Язык	Образование			
	неполное среднее	среднее	среднее специальное	высшее
Белорусский	2,33	5,69	4,22	3,39
Русский	48,84	47,16	50,12	73,56
Смешанный	48,84	47,16	45,67	23,05

Таблица 10

Основной язык общения в зависимости от возраста, %

Язык	Возраст, лет		
	до 30	от 30 до 49	от 50 и старше
Белорусский	2,36	5,47	5,44
Русский	65,57	54,49	39,12
Смешанный	32,08	40,04	55,44

Что касается белорусского языка как «основного языка общения», то здесь следует заметить, что он независимо от возраста и уровня образования очень слабо представлен. У людей самого высокого уровня образования русский язык преобладает (трое из четырех респондентов называют его «основным языком общения»), а смешанный язык менее распространен, чем у представителей других уровней образования. Тем не менее смешанный язык был выбран каждым четвертым респондентом с высшим образованием. На других уровнях образования не наблюдается значительных различий: русский и смешанный языки демонстрируют примерно равное соотношение, доля каждого при этом составляет около 50%. Это, конечно, расходится с широко распространенным мнением о том, что смешанная белорусско-русская речь является феноменом, характерным для людей с низким уровнем образования или для низших социальных слоев, о чем пишет И. Лисковец. Предположение о наличии связи между выбором языка общения, образованием и социальным статусом является оправданным в том смысле, что для людей с низким уровнем образования и социальным статусом характерно недостаточное знание русского (и белорусского) литературного языка, а также отсутствие речевой практики. Иными словами, для таких людей «смешанный язык» может стать единственным средством коммуникации. Рассмотрение данной группы как прототипа белорусов, говоря-

¹¹ Оба показателя в обеих нижних строчках первого и второго столбца слева, действительно, в каждом случае равны при разных абсолютных цифрах.

щих на смешанном языке, не может, согласно представленным здесь данным, в целом отразить социолингвистический феномен смешанной речи в Беларуси.

Что касается возраста, то подтверждается выявленная у студентов тенденция: доля русского языка увеличивается от старшей возрастной группы через среднюю к младшей; доля смешанного языка при этом уменьшается в той же степени¹².

О многоязычии помимо основного языка общения

В ситуации многоязычия в определенном регионе наряду с тем, в какой степени исследуемые языки или их разновидности выступают в качестве «основного языка общения», интересным является также вопрос, как представлены другие языки в данных группах. Для Беларуси особый интерес вызывают следующие вопросы: (А) Как широко распространены белорусский в качестве неосновного языка общения с учетом его чрезвычайно низких показателей как основного языка общения? (Б) Как широко распространен смешанный язык у тех говорящих, которые называют белорусский или русский основным языком общения? Можно предположить, что ввиду объективно существующего положения в стране русский язык играет большую роль и для тех говорящих, которые не называют его основным языком общения.

Во-первых, становится ясно, что белорусский язык все-таки весьма распространен, поскольку из тех говорящих, которые называют русский или смешанный язык основным языком общения, две трети утверждают, что также используют белорусский язык. Кроме того, смешанный язык широко распространен и у тех говорящих, которые не указывают его в качестве основного языка общения. Почти все, кто называют таковым белорусский, и примерно три четверти респондентов, выбравшие в этом качестве русский, указывают, что также используют смешанный язык. Эти показатели выше, чем для белорусского языка как неосновного языка общения. У русского языка, как и ожидалось, самые высокие показатели.

Таблица 11

Использование белорусского, русского и смешанного языков в семьях, %

Язык	В целом по массиву	Язык		
		белорусский	русский	смешанный
Только белорусский (1)	3,2	3,2	0	0
Только русский (2)	13,4	0	13,4	0
Только смешанный (3)	21,3	0	0	21,3
Белорусский+смешанный (4)	18,7	18,7	0	18,7
Белорусский+русский (5)	7,4	7,4	7,4	0
Русский+смешанный (6)	14,1	0	14,1	14,1
Белорусский, русский и смешанный (7)	18,8	18,8	18,8	18,8
Не знаю (8)	3,2	0	0	0
Доля языков (9)	100	48,1	53,7	72,9

О позиции белорусского языка красноречиво свидетельствует его употребление в различных сферах жизни, в частности сфере коммуникации – семья, друзья, государственные учреждения. Остановимся более подробно на сфере семьи, так как именно в семье язык общения передается от поколения к поколению. Именно в этой сфере мы имеем дело с большим количеством выбора нескольких вариантов ответа (2147) 1230 респондентами, что говорит об использовании более чем одного языка (табл. 11). Согласно полученным данным, в трех из десяти семей используется только один язык. В этих случаях показатели смешанного языка составляют 21 %, что значительно больше, чем у русского – 13 % и белорусского – 3 %. Здесь опять же обозначается чрезвычайно слабая позиция белорусского языка и сильная позиция смешанного. Приблизительно в семи из десяти случаев респонденты называли более чем один язык, но лишь в пятой части всех от-

ветов были указаны три языка – белорусский, русский и смешанный. В общей сложности, т. е. в результате обобщения ответов, включающих один язык, и ответов, включающих несколько языков, создается, однако, немного другая картина относительно представленности белорусского и русского языков в семьях. Показатели белорусского и русского языков различаются незначительно, т. е. в каждом случае половина респондентов указывает, что в их семьях разговаривают на русском или белорусском языках. Четверть респондентов (сложные строки (5) и (7)) называют оба языка и в большинстве случаев – еще и смешанный. Самой распространенной разновидностью является, однако, смешанный язык (почти в трех четвертях случаев).

Сфера семьи в дальнейшем сравнивается с кругом друзей и сферой учреждений (табл. 12). Анализ проводится дифференцированно по возрастным группам, чтобы проконтролировать сдвиги в сферах коммуникации, при этом в процесс вовлечены только взрослые. Вопрос касался выбора языка для каждой из трех сфер коммуникации.

Таблица 12

Использование белорусского, русского и смешанного языков в различных сферах коммуникации в зависимости от возраста, %

Возраст, лет	Сфера коммуникации	
	Язык	Процент
50 и старше	Госучреждения	
	Смешанный	33,67
	Белорусский	7,48
	Русский	70,41
	Друзья	
	Смешанный	80,61
	Белорусский	27,89
	Русский	47,69
	Семья	
	Смешанный	71,77
	Белорусский	45,34
	Русский	45,24
От 30 до 49	Госучреждения	
	Смешанный	17,77
	Белорусский	7,23
	Русский	80,87
	Друзья	
	Смешанный	61,72
	Белорусский	13,87
	Русский	49,61
	Семья	
	Смешанный	75,78
	Белорусский	50,20
	Русский	48,63
От 18 до 29	Госучреждения	
	Смешанный	14,10
	Белорусский	2,30
	Русский	78,03
	Друзья	
	Смешанный	44,26
	Белорусский	12,79
	Русский	69,18
	Семья	
	Смешанный	69,18
	Белорусский	45,57
	Русский	63,93

Данные, представленные в табл. 12, позволяют сделать следующие выводы:

1. Доминирующим языком в госучреждениях во всех трех возрастных группах является русский – от 70 до 80 %. Белорусский язык, напротив, представлен маргинально от 2 до 7 %. Смешанный язык называется в старшей группе в трети всех случаев, а в самой младшей группе – 14 % респондентов.

2. Что касается семьи, то здесь в трех возрастных группах не наблюдается различий в частоте выбора белорусского языка. Во всех группах он назван примерно в половине случаев. Первое очень удивляет: даже если семейный круг охватывает три поколения и представителей всех поколений связывает, таким образом, единое коммуникативное пространство, следовало бы ожидать более высокого показателя у пожилых респондентов. Таким же постоянным во всех трех возрастных группах является показатель смешанного языка (70–75 %). Различия наблюдаются только для русского языка. В возрастной группе моложе 30 лет почти две трети признают его использование, в то время как в обеих старших группах – половина опрошенных.

3. Наиболее отчетливо различия в возрасте видны при рассмотрении ситуации выбора языка в общении с друзьями. Следует учесть, что круг друзей отдельного индивидуума, как правило, состоит из людей, примерно одинаковых по возрасту, в то время как в рамках семьи обычно представлены несколько поколений. Белорусский язык теряет свои позиции в младших группах по сравнению со старшей (14 и 28 % соответственно). В старшей группе показатель сокращается наполовину по сравнению с семейным кругом, в обеих более молодых группах сокращение происходит примерно на треть. Показатели русского языка во всех возрастных группах в семейном кругу, напротив, очень схожи с данными из сферы семьи: у самых молодых они составляют больше двух третей, в обеих других группах – примерно половине. Наиболее заметны изменения, касающиеся смешанного языка: если в старшей группе он называется четырем из пяти опрошенных, то в средней группе его называют лишь трое из пяти, а в младшей – двое из пяти опрошенных. То есть проявляются тенденции к сокращению употребления как смешанного, так и белорусского языков или даже полного отказа от них. Тем не менее смешанный язык с минимальными показателями 44 % в самой младшей группе в три раза превосходит минимальные показатели белорусского языка, составляющие 13 %. В то время как у старшей группы языком общения в кругу друзей на втором месте после русского однозначно оказывается смешанный язык, ситуация в младшей группе прямо противоположная.

Следующим важным критерием является знание языка (конечно, на основе самооценки) говорящими. Вопрос о «знании смешанного языка» не ставился, так как здесь отсутствуют представления о норме. Кроме того, в ходе пробных опросов респонденты находили данный вопрос скорее забавным. Для начала рассмотрим мнения всех респондентов (табл. 13).

Таблица 13

Оценка респондентами своего уровня знания белорусского и русского языков, %

Оценка уровня знания	Язык	
	белорусский	русский
Очень хорошее	8,21	16,34
Хорошее	53,98	61,87
Удовлетворительное	33,74	20,81
Неудовлетворительное	3,58	0,89

Данные табл. 13, несомненно, говорят о том, что знания белорусского языка в среднем оцениваются как более слабые, чем знания русского языка. В обеих верхних строках, где представлены оценки «очень хорошие» и «хорошие», преобладает русский язык. В варианте «очень хорошие» он в два раза превосходит показатели белорусского. В строках ситуация обратная; белорусский язык демонстрирует более высокие показатели. Тем не менее различия в оценке знаний белорусского и русского языков не слишком расходятся: примерно чуть больше трех четвертей опрошенных оценивают свои знания русского языка как хорошие или очень хорошие, белорус-

ский язык получает такие оценки в двух третях случаев. Это вызывает недоумение, особенно если принимать во внимание мнение преподавателей белорусских институтов, которые преподают белорусский язык не только студентам, обучающимся в области белорусистики, но и студентам других, в частности не филологических, направлений. В этой связи еще более удивляет тот факт, что критерий возраста не играет ни малейшей роли в самооценке знаний языка. Достаточно одного примера: в общей сложности 54 % опрошенных рассматривают свои знания белорусского языка как хорошие, в возрастной группе младше 30 лет этот показатель составляет 54,5 %, в группе от 30 до 49 лет – 52,9 % и в возрастной группе от 50 лет и старше – 55,1 %.

Оценка собственных знаний белорусского и русского языков относительно стабильна и с точки зрения других критериев. Что касается зависимости оценки знаний языков от уровня образования, то здесь можно отметить две особенности. Во-первых, у респондентов с низким уровнем образования наблюдается более скромная самооценка, касающаяся, однако, обоих «признанных» языков: только около двух третей респондентов из этой группы считают свои знания русского языка хорошими или очень хорошими (68,6 % по сравнению с 78,2 % в общем по массиву), около половины оценивают свои знания белорусского языка позитивно (48,8 и 62,1 % соответственно). Во-вторых, группа с высшим уровнем образования намного чаще оценивает свои знания русского языка как хорошие или очень хорошие (88,8 % по сравнению с 78,2 % в общем по массиву). Наблюдается определенная, хотя и слабая связь между оценкой знаний обоих языков и типом населенного пункта, в котором проживают респонденты: хорошими и очень хорошими свои знания русского языка чаще называют жители более крупных населенных пунктов: 75,7 % в поселках городского типа, 77,9 % в малых городах и 87,3 % в Минске. Обратная ситуация наблюдается с позитивной оценкой белорусского языка: 65,2 % в поселках городского типа, 60,9 % в малых городах и 56 % в Минске. Но и эти различия не так велики. Последним потенциально важным критерием при оценке своих собственных языковых знаний является «основной язык общения». Здесь, действительно, наблюдаются некоторые объяснимые различия, которые, однако, опять же слабо выражены: небольшая группа, считающая белорусский своим основным языком общения, оценивает его знания выше, чем среднестатистический опрошенный: 79,6 % по сравнению с 62,1 % в целом по массиву. Хорошие или очень хорошие знания русского языка указали 70,4 % представителей этой группы по сравнению с 78,2 % в общем по массиву. Респонденты с русским как основным языком общения демонстрируют лишь отчасти повышенные показатели в рубриках «хорошие» и «очень хорошие» знания русского языка: 70,4 % по сравнению с 78,2 % в общем по массиву. Их показатели по этим позициям составляют 61,2 % и приближаются, таким образом, к среднестатистическим, оказываясь при этом явно ниже (на 18,4 %) показателей группы с белорусским как основным языком общения. Респонденты, называющие смешанный язык основным средством коммуникации немного реже, чем среднестатистический опрошенный, оценивают свои знания русского языка как хорошие или очень хорошие: 69,8 % по сравнению с 78,2 % в целом по массиву.

Таким образом, все три анализируемых языка широко распространены. Несмотря на то что белорусский как «неосновной» язык общения нередко, например в семейном кругу, демонстрирует вполне внушительные показатели, в целом его позиция наиболее слабая: примерно каждый третий (32,4 %) респондент ответил, что не говорит на белорусском языке, в то время как только каждый восьмой (14,4 %) заявил, что никогда не употребляет смешанного языка, и лишь каждый четырнадцатый (7,8 %) указал, что никогда не говорит по-русски.

Об отношении белорусов к «своим языкам»

Приведенный анализ касался распространения или позиций языков на основании самооценки белорусов. При этом только вопрос о родном языке затрагивает (в связи со спецификой символического понимания данного термина в Беларуси) так называемое «отношение к языку» (англ. language attitudes), т. е. чувства говорящих по отношению к их родным (и другим) языкам. Ввиду представленных результатов в данной области еще остался целый ряд вопросов, некоторые из них будут рассмотрены здесь.

В связи с чрезвычайно широким распространением русского и смешанного языков респондентов спрашивали, согласны они или не согласны (по четырехбалльной шкале с пятым вариантом для выражения нерешительности) со следующими четырьмя высказываниями: (1) *Русский должен стать единственным государственным языком*. Введение русского языка как второго государственного было поддержано широкими кругами населения в ходе референдума в 1995 г. Здесь ставится вопрос о том, могут ли белорусы обойтись без белорусского языка в качестве государственного и хотят ли они этого. Затем следуют три высказывания, касающиеся значения языков для белорусской культуры: (2) *Белорусская культура сохраняется за счет белорусского языка*. (3) *Русский язык является угрозой для белорусской культуры*. (4) *Белорусско-русский смешанный язык представляет собой угрозу для белорусской культуры*. В связи с высокими показателями русского и смешанного языков в приведенном анализе такой угрожающий сценарий напрашивается сам, о чем уже говорилось.

Русский в качестве единственного государственного языка находит более или менее очевидную поддержку у 17,2 % респондентов, 68,2 % скорее или абсолютно не согласны с этим, при этом абсолютно несогласные респонденты образуют самую большую группу (49,3 %). «Нерешительные» составляют 14,3 %. Таким образом, четко наблюдается желание институционального сохранения белорусского языка в качестве одного из государственных. С этим согласуются и ответы на высказывание (2): 75,5 % респондентов согласны, что белорусская культура сохраняется при помощи белорусского языка. С другой стороны, ни русский язык (3) (68,2 %), ни смешанный (4) (65,2 %) не рассматриваются большей частью опрошенных как угроза для белорусской культуры. В обоих случаях около трети опрошенных видят угрозу либо в русском (3) (29,0 %), либо в смешанном языке (4) (30,5 %).

Этот комплекс вопросов заслуживает отдельного изучения. Нами был проведен анализ взаимосвязи данных ответов с четырьмя социальными критериями.

(А) Возраст не играет практически никакой роли. Только показатели самой младшей группы респондентов, касающиеся вопроса о белорусском языке как хранителе белорусской культуры (2), были с 67,7 % ниже среднего показателя (75,5 %) и показателя самой старшей группы (81,3 %).

(Б) Образование также, по-видимому, не оказывает значительного влияния. У представителей группы с самым низким уровнем образования согласие с функцией белорусского языка как хранителя белорусской культуры (2) представлено наиболее слабо, но все еще является мнением большинства (62,8 % по сравнению с 75,5 % в целом по массиву). В этой же группе представление о русском как о единственном государственном (1) находит немного больше поддержки, чем в среднем (22,1 по сравнению с 17,2 %) или в остальных группах, внутри которых не наблюдается существенных различий. Представители группы с высшим образованием несколько более

* См., например, записи дискуссии «Мова як поле бою: 1995–2010» Ю. Дракахруста на *Радывё Свабоды* от 17.05.2010 (<http://www.svaboda.org/articleprintview/2044999.html> от 20.03.2011) или статью А. Лозки о динамике количества школьников, изучающих белорусский язык в Беларуси с 1994 по 2008 г.: «Роднамоўнае навучанне», http://nastaunik.info/national_edu_and_upbr/3 от 20.03.2011).

склонны рассматривать русский язык (3) (34,9 % по сравнению с 30,5 % в целом по массиву) и смешанный (4) (34,2 и 29,0 % соответственно) как угрозу для белорусской культуры.

(В) Более четко выражена связь между ответами на поставленный комплекс вопросов и размером населенного пункта, в котором проживают респонденты. При этом особенно Минск демонстрирует на первый взгляд парадоксальные отклонения. Именно здесь смешанный язык скорее рассматривается как угроза для белорусской культуры, чем в среднем: так считают 48,8 % минчан (по сравнению с 29,0 % в целом по массиву). Это, однако, не так удивляет, как тот факт, что и угроза для белорусской культуры со стороны русского языка здесь ощущается сильнее всего: 44,6 % по сравнению с 29,0 % в целом по массиву. Парадокс состоит в том, что именно в Минске, где, с одной стороны, смешанный язык в качестве родного, первого языка и основного языка общения представлен весьма слабо и, с другой – русский язык в этих функциях играет значительную роль, оба языка сильнее, чем в других городах, воспринимаются как угроза для белорусской культуры. В то время как «боязнь» смешанного языка можно объяснить более развитым в больших городах и столице языковым восприятием (как обычно предполагается), оценка русского языка как угрозы белорусской культуре является, очевидно, относительно новым феноменом столичного культурного самосознания белорусского национального образца. Возникает вопрос, ощущают ли себя минчане в своем широком обращении к русскому языку «изменниками» в отношении белорусской культуры и белорусского языка?

(Г) Использование одного из трех анализируемых языков в качестве основного языка общения имеет определенное значение для рассматриваемого здесь отношения к языкам только небольшой группы, назвавшей белорусский язык. Представители данной группы (как и минчане) чаще, чем большинство респондентов, считают как смешанный, так и русский язык угрозой белорусской культуре: смешанный язык (4) – 42,6 % (по сравнению с 29,0 % в целом по массиву) и русский язык (3) – 46,3 % (по сравнению с 30,5 % в целом по массиву). В данной группе (в отличие от минчан) это не является «парадоксом».

Ввиду большого значения, придающегося русскому языку в публичной сфере Беларуси, необходимо рассмотреть значение языков для идентичности белорусов. В рамках данного анализа (как и во всем проекте) эта проблема не является центральным пунктом исследования, однако в ходе дальнейших исследований должна быть рассмотрена более подробно. Общие вопросы, поставленные здесь в этой связи, служат скорее интерпретации идентичности, которая важна для анализа.

Вначале речь идет о двух вопросах: (1) Можно ли быть белорусом и не говорить на белорусском языке? (2) Можно ли одновременно быть белорусом и русским?

Положительный ответ на первый вопрос дало подавляющее большинство (83,7 %). При символическом значении, которое придано выбору белорусского языка в качестве родного, белорусы не считают использование белорусского языка обязательным для своей идентичности. В данном суждении не наблюдается при этом никаких заметных различий, связанных с возрастом, образованием и типом населенного пункта, в котором проживают респонденты. Только в небольшой группе, указавшей белорусский в качестве основного языка общения, положительные ответы на данный вопрос были не столь часты (64,8 %), как во всех остальных группах. Но так ответило тем не менее большинство представителей и этой группы. Общее

* Обе эти группы не совпадают, т. е. 166 респондентов из Минска и 54 респондента, выбравшие белорусский в качестве основного языка общения, пересекаются только в случае двух человек.

понимание того, что можно быть белорусом, не говоря на белорусском языке, разумеется, соответствует языковой действительности в стране. Можно интерпретировать это следующим образом: белорусский язык имеет историческо-архаичное, культовое, если не сакральное значение для белорусов. С этим согласуется тот факт, что в вопросах престижа позиции белорусского языка ничуть не хуже, а скорее даже лучше русского¹³.

Менее однозначно распределение ответов на вопрос (2). Немногим более половины респондентов (53,1 %) отвечают на него положительно, остальные отрицательно или затрудняются ответить (30,5 и 16,2 % соответственно). Здесь возникают отдельные интересные различия в зависимости от социально-демографических характеристик.

1. Представители старшей возрастной группы меньше других согласны с данным мнением (46,9 %), а средняя возрастная группа, наиболее подверженная советскому влиянию, больше всего (58,4 %). Доля согласных среди тех, кому меньше 30 лет, составляет 50,9 %. Мнение респондентов младшей возрастной группы по этому вопросу ближе, таким образом, к самой старшей группе.

2. Очевидна также зависимость распределения ответов на этот вопрос от величины населенного пункта, в котором проживают респонденты: в то время как минчане в большинстве своем согласны с предложенным утверждением (64,5 %), доля согласных среди жителей небольших городов уменьшается (59,4 %), а в поселках городского типа данное мнение уже не находит поддержки большинства (43,8 %).

3. Заметно меньше согласных в группе, указывающей белорусский в качестве основного языка общения, – 38,9 %.

Другие взаимосвязи, например с уровнем образования, не наблюдаются. Весьма распространено согласие с предположенным в данном вопросе мнением может быть свидетельством того, что для большинства населения белорусская идентичность совместима с русской и является, таким образом, ареальной, а не национальной. Однако распределение ответов на следующий вопрос: *Кем Вы себя видите: белорусом, белорусом и русским, русским?* – ставит под сомнение данные гипотезы.

Если, как показал предыдущий анализ, незначительное большинство согласно с тем, что можно быть одновременно белорусом и русским, то здесь речь идет исключительно о гипотетической возможности. Только менее 3 % респондентов видят себя белорусом и русским, а подавляющее большинство (более 90 %) однозначно считают себя белорусами!

* * *

Первый значительный вывод, который можно сделать на основании представленного исследования, состоит в том, что смешанная белорусско-русская речь, «смешанный язык», имеет более широкое распространение, чем предполагалось. Этот и другие полученные результаты основываются на самооценке носителями своего языка. Данные исследования также противоречат распространенным в литературе предположениям о том, что смешанная речь, «трасянка», является характерным признаком недостаточного образования. Конечно, «смешанный язык» часто выступает в качестве доминирующего, если не единственного средства коммуникации у людей с низким уровнем образования и низким социальным статусом, но он также является распространенным феноменом в широких кругах населения и представляет собой альтернативу русскому языку в различных областях повседневной жизни, при этом чем меньше городской населенный пункт, тем в большей степени это происходит.

Вторым значительным и в некоторой степени удивительным моментом в связи со смешанным языком является то, что он называется в качестве языка первой социализации большинством респондентов, которые родились в сельской местности. Противоречие, возникающее здесь с распрост-

раненным мнением о том, что в сельской местности Беларуси все еще живы исконные диалекты или, по крайней мере, они существовали на тот момент, когда опрошенные были еще детьми, возможно, только мнимое. Достаточно известен сценарий, когда сельское население, представляющее собой еще действующее диалектное «языковое сообщество», в общении с детьми склонно использовать язык, открывающий дорогу для подъема по карьерной лестнице, язык городов. А из стремления говорить с детьми на русском языке в Беларуси возникла смешанная языковая первая социализация, причем не только в городах, как предполагалось, но и в сельской местности. Иными словами, в определенной степени у мигрантов из сельской местности в город уже был «смешанный язык» их переезда в город, а не появился уже в городе под сильным воздействием русскоязычного окружения. Это определенно способствовало широкому распространению «смешанного языка». С другой стороны, невозможно не заметить, что смешанная белорусско-русская речь сдает свои позиции в качестве средства коммуникации от старшего к младшему поколению в пользу русского языка, так же как и белорусский язык.

Тем не менее белорусский язык намного хуже представлен, чем смешанная речь. Это следующий важный вывод данного исследования: степень угрозы белорусскому языку, очевидно, намного выше, чем до сих пор предполагалось, существенно выше, чем можно было предположить на основе переписи 1999 г. с ее уже тревожными цифрами. В качестве основного языка общения он играет в белорусском обществе лишь эпизодическую роль. Даже родным его называют намного реже, если «смешанный язык» ставится в качестве одного из вариантов ответа наряду с белорусским и русским, но белорусский язык демонстрирует, однако, лучшие показатели из всех трех вариантов ответов. Но примерно половина опрошенных в трехмерном спектре оценки уже не называет белорусский в качестве родного языка. Тем не менее символическое значение белорусского языка все еще живо для широких кругов населения. Несмотря на то что многие не считают владение белорусским языком обязательным условием для того, чтобы быть белорусом (в смысле национальности, а не гражданства), двое из трех опрошенных называют белорусский в качестве «не основного» языка общения. Здесь будут иметь место значительные различия в количественном и качественном плане. Такие факторы, как оставшаяся базисная компетенция в белорусском языке, широко распространенное мнение о том, что белорусский язык является важным фактором в сохранении белорусской культуры, общее неприятие русского в качестве возможного единственного государственного языка, а также эксклюзивно доминирующая ориентация на белорусскую идентичность (в отличие от идентичности, включающей в себя как русскую, так и белорусскую части), свидетельствуют о большом скрытом потенциале позитивного развития белорусского языка в белорусском обществе.

¹ См.: Kittel B., Lindner D., Tesch S., Hentschel G. Mixed language usage in Belarus. The sociostructural background of language choice // International Journal of the Sociology of Language. 2010. 5. P. 47–71.

² См.: Мецковская Н. В. Язык в роли идеологии: национально-символические функции языка в белорусской языковой ситуации // К. Gutschmidt (Hrsg.). Möglichkeiten und Grenzen der Standardisierung slavischer Schriftsprachen in der Gegenwart. Dresden, 2002. S. 124–141.

³ См.: Eichinger L. M. Kann man der Selbstschätzung von Sprechern trauen? // A. C. Anders, M. Hundt, A. Lasch (Hrsg.). Perceptual dialectology. Neue Wege der Dialektologie. Berlin, 2010. S. 433–449.

⁴ См.: Лисковец И. Новые языки новых государств: явления на стыке близкородственных языков на постсоветском пространстве. Беларусь [Электронный ресурс]. 2003. Режим доступа: <http://www.eu.spb.ru>

⁵ См.: Zaprudski S. In the grip of replacive bilingualism: the Belarusian language in contact with Russian // International Journal of the Sociology of Language. 2007. 183. P. 97–118; Hentschel G. Zur weißrussisch-russischen Hybridität in der weißrussischen «Trasjanka» //

P. Kosta & D. Weiss (Hg.) // Slavistische Linguistik 2006/2007 [= Slavistische Beiträge 464]. 2008. S. 169–219.

⁶ См.: Brown A. Language and identity in Belarus. Language Policy. 2005. 4 (3). P. 319.

⁷ См.: Stolz Th. Not quite the right mixture: Chamorro and Mal'ti as candidates for the status of mixed language // Y. Matras, P. Bakker (eds.). The mixed language debate. Theoretical and empirical advances. Berlin, 2003. P. 287–288.

⁸ См.: Kurcova V. Stan dyjalektnaha maŭlennja ŭ druhoj palove XX st. i jaho mesca ŭ sisteme sel'skich sacyjal'na-kamunikatyŭnych znosin // Skarby narodnaj movy. Dyjalektalachiŭny zbornik. Minsk, 2005. S. 226–250.

⁹ См.: Вешторт Г. Ф. Смешанные формы речи // Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси. Мн., 1999. С. 93–101; Лисковец И. Трасянка: происхождение, сущность, функционирование. Антропология. Фольклористика // Лингвистика. Мн., 2002. Вып. 2. С. 329–343; Hentschel G., Tesch S. «Трасянка»: Eine Fallstudie zur Sprachmischung in Weißrussland // D. Stern & Chr. Voss (Hrg.). Marginal Linguistic Identities. Studies in Slavic contact and borderland varieties. Wiesbaden [= Eurolinguistische Arbeiten]. 2006. Bd. 2. P. 213–243.

¹⁰ См.: Лисковец И. Новые языки новых государств: явления на стыке близкородственных языков на постсоветском пространстве. Беларусь [Электронный ресурс]. 2003. Режим доступа: <http://www.eu.spb.ru>

¹¹ См.: Крывіцкі А. А., Падлужны А. І. Фанетыка беларускай мовы. Мн., 1984. С. 142–143.

¹² См.: Brown A. Language and identity in Belarus. Language Policy. 2005. 4 (3). P. 310.

¹³ См.: Woolhiser C. Language ideology and language conflict in Post-Soviet Belarus // C.C. O'Reilly (ed.). Language, ethnicity and the state. Vol. 2. Minority languages in Eastern Europe post-1989. New York, 2001. P. 91–122.

Поступила в редакцию 21.11.11.

А.Г. ЗЛОТНИКОВ,
кандидат экономических наук, доцент (ГОМЕЛЬ)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Рассматриваются направления дальнейшего развития белорусской демографии во взаимосвязи с развитием социологической науки в Беларуси. Прослеживается обусловленность социолого-демографических исследований новыми социальными, политическими и экономическими реалиями. Показываются достижения ученых Беларуси в разработке практических и теоретических вопросов демографической науки. Обосновывается содержание концепций демографизации и социологизации современной науки. Раскрываются достижения и проблемы современной отечественной демографической науки.

The guidelines of further development of Belarusian demography related to the development of sociology in Belarus are considered. The determination of sociological-demographic researches by new social, political and economic realities is traced. The achievements gained by Belarusian scholars in learning practical and theoretical issues of demographic science are described. The contents of the conceptions aimed at demographyzation and sociologization of the contemporary science is given grounds for. The achievements and problems of the contemporary demographic science of our country are revealed.

К периоду обретения суверенитета белорусская демографическая наука пришла сформировавшейся отраслью научного знания с существенным теоретическим багажом и определенными успехами. Вместе с тем в самом демографическом развитии Республика Беларусь столкнулась с новыми реалиями, впрочем, как и все другие европейские новые независимые государства на постсоветском пространстве. Развал единого демографического пространства с самого начала 1990-х гг. сказался на новых тенденциях в миграционном движении. Реальностью стало и прогнозирувавшееся ранее отрицательное сальдо естественного прироста населения. И хотя это было ожидаемо, падение рождаемости оказалось настолько высоким, что его объяснение чисто демографическим анализом, скажем, привычными структурными изменениями в половозрастной структуре населения, было явно недостаточным.

Проблемы демографического развития Беларуси стали и предметом политической манипуляции. Политические силы, проигравшие президентские выборы, негативные тенденции в демографическом развитии страны первой половины 1990-х гг. попытались связать с политикой первого Пре-

зидента Республики Беларусь¹. В связи с этим выросла потребность в социологическом осмыслении современного демографического развития страны. Как отмечает А.Н. Данилов, «социология остро востребует именно в периоды кризисов, когда происходит смена вектора общественного развития, норм и ценностей, всего уклада жизни общества»². А по мнению выдающегося российского демографа В.А. Борисова, именно социологической науке, в частности социологической демографии, «удалось достаточно удовлетворительно объяснить причины снижения рождаемости до малодетного уровня по мере экономического развития, чего не удалось сделать экономистам по пути чисто экономических объяснений этого процесса»³.

Да и вообще основные положения одной из современных научных концепций, разъясняющих существенные исторические изменения демографических процессов последних двух столетий, – концепции демографического перехода были изложены в конце 1920-х гг. с социологическим подтекстом. Так, Уоррен Томпсон свою статью «Население», где изложил новые тенденции в динамике и направлении движения мирового населения начала XX в., опубликовал в 1929 г. в социологическом журнале⁴. Книга «Проблемы населения во Франции» (1929) Леона Радзиновича, в которой анализируется тесная взаимосвязь между экономическим, социальным, политическим развитием и демографическими процессами, в которой впервые был употреблен термин «демографическая революция», характеризующий первую стадию процесса демографического перехода от традиционного типа воспроизводства населения к воспроизводству с высокими темпами естественного прироста населения, имеет подзаголовок «Очерк по социологии народонаселения»⁵. Эти публикации сделали концепцию демографического перехода не просто демографической, а демографически-социологической.

Рост потребности в социологическом осмыслении актуальных проблем общественного развития в Беларуси одновременно сопровождался и подъемом самой социологии, что было подкреплено и соответствующей институциональной базой. В 1989 г. в БГУ на философско-экономическом факультете открывается отделение социологии и кафедра социологии (А.Н. Елсуков). В 1990 г. был образован Институт социологии НАН Беларуси (Е.М. Бабосов) на базе ранее созданного Республиканского центра социологических исследований. В этом же году в Гомеле был создан хозрасчетный социологический центр «Оракул» (А.П. Касьяненко). На базе Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований БГУ, существовавшей с 1967 г., в 1996 г. начал работу Центр социологических и политических исследований БГУ (Д.Г. Ротман). В 1996 г. был образован ИСПИ при Администрации Президента Республики Беларусь (И.В. Котляров). Начали готовить кадры социологов Гродненский государственный университет им. Я. Купалы и Могилевский государственный университет им. А. Кулешова. В 2008 г. в БГЭУ открыта специализация по экономической социологии. Плодотворно работают Могилевский региональный институт социально-политических исследований (Н.Е. Лихачев) и другие государственные и негосударственные центры и лаборатории.

В БГУ были проведены исследования проблем молодой семьи в новом веке, социально-психологических особенностей современной молодежи и уровня их репродуктивных установок как факторов, влияющих на демографическую ситуацию в Беларуси, вопросов государственного регулирования демографических процессов в стране, а также психологических аспектов адаптации вынужденных мигрантов на территории Республики Беларусь и путей их коррекции. В БГПУ с демографических позиций анализировались проблемы международной миграции молодежи Беларуси.

В МогИРСПИ изучались проблемы разводимости, тенденции изменения психологии внутрисемейного поведения, сельская демография. В Белорусском торгово-экономическом университете потребительской кооперации

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Данилов А.Н. Центру социологических и политических исследований БГУ – 15 лет! 3

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ТРИБУНА

Юрген Хабермас. Демократия в опале 6

Ежи Вятр. Роль США после периода гегемонии 8

Раков А.А. Демографический мир и его проблемы 20

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Данилов А.Н. Слово о Н.Е. Лихачеве 33

Лихачев Н.Е. Социология белорусского села: вопросы институализации 34

Титаренко Л.Г. Новые концепции и подходы в немецкой социологии 39

Берков В.Ф. Научный результат как предмет логико-методологического анализа 49

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

Герд Хентшель, Бернхард Киттель. Языковая ситуация в Беларуси: мнение белорусов о распространённости языков в стране 62

Злотников А.Г. Демографическая наука современной Беларуси 78

Кучко Е.Е. Социологический анализ потребления лекарственных средств населением Республики Беларусь 90

Мальчёнков И.Е. Трансформация стратегий самопрезентации и идентификации в киберпространстве 97

ГЛАВА ИЗ НОВОЙ КНИГИ

Примаков Е.М. Россия: необходима замена экономической модели 107

АСПИРАНТСКИЙ РАЗДЕЛ

Каминская С.Г. Трудовой коллектив как субъект инновационных процессов 118

Палховская Е.Б. Экономическое поведение как фактор трудовой мобильности работников электроэнергетической отрасли промышленности Беларуси 126

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Румянцева Т.Г. А.Н. Елсуков, А.Н. Данилов. История социологии 135

Гуцаленко Л.А. П.С. Карако. Социальная экология: экологическое сознание 138

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

Диссертации по социологии, утверждённые ВАК Республики Беларусь в 2011 г. 140

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Людмила Игоревна Науменко 141

Указатель статей, опубликованных в 2011 г. 142

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с сентября 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Учредитель: Белорусский государственный университет

Главный редактор А.Н. Данилов

Редакционная коллегия:

И.Н. АНДРЕЕВА (зам. главного редактора), Д.К. БЕЗНЮК, С.Н. БУРОВА, В.В. БУЩИК, Ж.М. ГРИЩЕНКО (зам. главного редактора), Е.А. КЕЧИНА, В.Я. КОЧЕРГИН, Н.В. КУРИЛОВИЧ, Е.Е. КУЧКО, С.В. ЛАПИНА, Н.Е. ЛИХАЧЕВ, А.Б. МИСКЕВИЧ, Д.Г. РОТМАН (зам. главного редактора), В.Г. РУДЬ (зам. редакцией), В.А. СИМХОВИЧ, Л.А. СОГЛАЕВА, Л.В. ФИЛИНСКАЯ, Ю.Г. ЧЕРНЯК (отв. секретарь)

4

2011

МИНСК
БГУ

СОЦИОЛОГИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Данилов А.Н. (председатель),
 Ротман Д.Г. (зам. председателя),
 Бабосов Е.М. (Минск, Беларусь), Бакиров В.С. (Харьков, Украина),
 Гуцаленко Л.А. (Минск, Беларусь), Давидюк Г.П. (Минск, Беларусь),
 Елсуков А.Н. (Минск, Беларусь), Зиновский В.И. (Минск, Беларусь),
 Инглхарт Р. (США), Матулионис А. (Вильнюс, Литва), Рубанов А.В. (Минск,
 Беларусь), Соколова Г.Н. (Минск, Беларусь), Стёпин В.С. (Москва, Россия),
 Стражев В.И. (Минск, Беларусь), Титаренко Л.Г. (Минск, Беларусь),
 Тощенко Ж.Т. (Москва, Россия), Туманов С.В. (Москва, Россия),
 Украинец П.П. (Минск, Беларусь), Хельман Л. (Утрехт, Голландия),
 Херпфер Х. (Абердин, Шотландия), Чурилов Н.Н. (Киев, Украина),
 Шавель С.А. (Минск, Беларусь)

СОЦИОЛОГИЯ

№ 4, 2011

На русском и белорусском языках

Заведующий редакцией *В.Г. Рудь*Редактор *И.А. Лешкевич*Редактор стилистический *Л.А. Меркуль*Технический редактор *В.П. Швед*Компьютерный набор и верстка выполнены *В.П. Швед*

Подписано в печать 18.01.12. Формат 70×108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 15,36. Тираж 245. Заказ 15.

Цена: для индивидуальных подписчиков – 20 920 руб.;

для организаций – 48 463 руб.

Регистрационный № 1084

Почтовый адрес редакции: 220030, Минск, ул. Бобруйская, 7.

Адрес редакции: ул. Кальварийская, 9, каб. 101, 105. Тел. 259-70-74, 259-70-75,

факс 226-06-65.

E-mail: vestnikbsu@bsu.by

Отпечатано с оригинала-макета заказчика в РУП «Издательский центр БГУ».

220030, Минск, ул. Красноармейская, 6.

ЛП № 02330/0494178 от 03.04.09.

© Социология, 2011

ЦЕНТРУ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ БГУ – 15 ЛЕТ!

Поводом для сегодняшнего разговора с читателем стало празднование 15-летия Центра социологических и политических исследований (ЦСПИ) Белорусского государственного университета. Конечно, дата не слишком значительная для юбилея, но суть в другом – сегодня Центр – это фактически одна из немногих сохранившихся в стране научных структур социологического профиля, которая активно работает, имеет свое лицо, профессиональные кадры, признание и международный авторитет. А к тому же Центр – правопреемник Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований, созданной при БГУ по решению ЦК КП Беларуси еще в период возрождения социологической науки в 1967 г. В разные годы лабораторию возглавляли такие известные ученые, как член-корреспондент АН БССР, профессор И.Н. Лущицкий, доценты С.И. Дерюшев, И.И. Зубов, профессора Н.Г. Юркевич, Г.П. Давидюк, С.Д. Лаптенюк. Она по праву стала колыбелью социологической науки в республике. Именно в ее структурах сформировалась плеяда ныне хорошо известных в Беларуси и далеко за ее пределами ученых, на плечи которых легла непростая задача по подготовке профессиональных социологов, исследованию наиболее актуальных проблем современного общества.

1990-е гг. – время достаточно сложное в нашей истории. Суверенной Беларуси приходилось от многого отказываться, идти на непопулярные меры по реформированию научных структур, которые прекращали финансироваться из бюджета, и ученые вынуждены были довольствоваться любым, даже самым малым заработком. И в то же время этот период характеризуется активизацией междисциплинарных масштабных исследований сложных проблем, захлестнувших страну. Начинают создаваться первые частные исследовательские структуры. Одной из них явилась независимая социологическая служба «Общественное мнение», созданная в основном из университетских социологов: в некогда большой лаборатории отделы стали самостоятельными группами, на базе которых в декабре 1996 г. и был создан Центр социологических и политических исследований. Руководителем Центра был назначен известный белорусский социолог – профессор Д.Г. Ротман.

Сегодня «Центр Ротмана», как его называют «в народе», – это более двух десятков специалистов в области социологии, политологии, управления, экономики, психологии, методологии и методики организации массовых оп-